Л. В. Климович

*Ульяновский государственный университет
ул. Льва Толстого, 42, Ульяновск, 432000, Россия*

lusek84@yandex.ru

**ГРАФ В. Н. КОКОВЦОВ О ПРОБЛЕМАХ
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (К ИСТОРИИ ОДНОГО ДОКЛАДА)***

Публикуется стенограмма доклада графа В. Н. Коковцова на общем собрании представителей общественных организаций и объединений эмиграции, которое состоялось 5 марта 1933 г. в Париже. Документ содержит сведения о деятельности Эмигрантского Комитета в Париже, Русского Комитета Объединенных Организаций, о ситуации с решением беженского вопроса в учреждениях Лиги Наций. Материал доклада охватывает широкий временной период, начиная с 1920-х гг., и позволяет представить динамику развития эмигрантской общины в Европе, и в частности, во Франции. Документ публикуется по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации. Текст публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Ключевые слова: эмиграция, история России, русское зарубежье, В. Н. Коковцов, эмигрантский комитет, В. А. Маклаков.

После революции 1917 г. в России и последовавшей за ней гражданской войны за пределами своего Отечества оказались около 2 млн чел. Вопрос об их статусе и правовых возможностях был одним из главных для эмигрантской общины. Оказавшиеся в вынужденном изгнании оставались подданными страны, которой больше не существовало. Право дореволюционной России перестало быть действующим, а новое государство РСФСР (СССР) большинство эмигрантов не признали. Таким образом, российские эмигранты остались без гражданства и стали апатридами. Они обладали меньшим объемом прав, чем граждане страны, в которой они находились, и при этом у них не было

дипломатической защиты. Проблема институционализации статуса российских беженцев после революции 1917 г., в частности, во Франции стояла остро. До 1924 г. Франция не признавала СССР, и в Париже сохранялось прежнее российское дипломатическое представительство. Ситуация была парадоксальной: страны уже не существовало, а ее посольство продолжало функционировать и представлять интересы русских за границей.

После установления дипломатических отношений Франции с СССР посольство было закрыто. Его функции были переданы созданному Центральному офису по делам русских беженцев. Персонал новой органи-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01046-а2.

зации сформировался из числа сотрудников бывшего российского консульства. Реакцией на исчезновение собственного посольства и дипломатическое признание СССР стало возникновение в Париже в 1924 г. Эмигрантского комитета. Он «должен был стать связующим звеном между всеми русскими организациями Франции, будь то благотворительные общества, местные комитеты в провинции, культурные, военные, политические или любые другие ассоциации» [Гусеф, 2014. С. 275]. Его возглавил бывший посол во Франции В. А. Маклаков (1869–1957). Осенью 1917 г. Временным правительством он был назначен послом во Франции. После событий октября 1917 г. остался во Франции и исполнял свои обязанности вплоть до признания Францией СССР.

Политически разнородное эмигрантское сообщество должно было объединиться на позиции антибольшевизма. Эмигрантский комитет формировался из числа «правых» в лице Русского комитета объединенных организаций (РКОО) и «левых» в лице Совета общественных организаций (СОО). Возникновение Эмигрантского комитета, в который входили представители двух «лагерей» («левых» во главе с Советом общественных организаций под руководством А. И. Коновалова, «правых» в составе Русского комитета), подтолкнули все существующие ассоциации и организации к присоединению к тому или иному лагерю. «Левые» и «правые» направляли своих представителей в Центральную комиссию из десяти членов во главе все с тем же В. А. Маклаковым [Там же. С. 277]. Эмигрантский комитет смог согласованно решать проблемные вопросы и защищать права беженцев. Ему удалось выполнить роль объединяющего центра, а его влияние «распространилось за пределы этого государства, так как многие входившие в него ассоциации имели филиалы или, наоборот, руководящие органы в других странах проживания диаспоры» [Там же. С. 281].

Русский комитет объединенных организаций выполнял роль центра притяжения «правых сил». Его руководителем и идейным вдохновителем с момента основания

в 1924 г. был граф В. Н. Коковцов [Ковалев, 2015]. Несмотря на политический характер созданной организации, основная ее цель заключалась в решении социальных проблем эмигрантов.

Публикуемая стенограмма общего собрания представителей общественных организаций и объединений, которое состоялось 5 марта 1933 г., отражает основные результаты деятельности Русского комитета за 3-летний период.

Доклад В. Н. Коковцова посвящен нескольким ключевым проблемам: беженский вопрос в учреждениях Лиги Наций, деятельность Эмигрантского Комитета в Париже, деятельность Русского Комитета Объединенных Организаций. Одним из вопросов, освещаемых в докладе, была проблема распределения «Нансеновского сбора», средства которого до 1929 г., по данным З. С. Бочаровой, шли на переселение и обустройство русских в Северной и Южной Америке [Русские беженцы..., 2004. С. 244–246]. После 1929 г. по решению Лиги Наций половина средств поступала в Распорядительный комитет, который входил в состав Эмигрантского комитета, вторая половина – в Женеву в Лигу Наций. В. Н. Коковцов возглавлял Распорядительный комитет вплоть до 1940 г., когда он был закрыт немецкими властями [Ковалев, 2015. С. 155, 165]. В представленном ниже докладе граф подробно описывал достижения и трудности, с которыми ему пришлось столкнуться на этом посту.

Документ публикуется по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде «Объединение русских общественных организаций в Загребе» (Ф. 6076. Оп. 1. Д. 17) с сохранением всех стилистических особенностей (подчеркиваний, выделений и т. д.). Документ состоит из вступительного слова В. Н. Коковцова и его доклада. Собрание проходило в Париже в зале Жоффруа, в нем приняли участие 158 представителей при избранных 207 от 275 организаций. На этом собрании число членов Русского Комитета было увеличено с 40 до 45 чел., председателем единогласно был избран граф В. Н. Коковцов, секретарь

рем – П. Е. Ковалевский¹. Комитет избирался сроком на три года, и представленное собрание было отчетным после истечения срока полномочий прежнего Комитета под руководством В. Н. Коковцова. В настоящей публикации представлен только содержательный доклад графа В. Н. Коковцова, без вступительного слова.

Вступительная статья, подготовка к публикации и комментарии Л. В. Климович. Автор выражает благодарность М. В. Ковалеву за помощь в сборе архивного материала.

Список литературы

Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

Ковалев М. В. Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8. С. 151–169.

Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, регулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / Сост. З. С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.

РУССКИЙ КОМИТЕТ ОБЪЕДИНЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Общее собрание представителей общественных организаций и объединений,
5 марта 1933 года

ДОКЛАД

Председателя Русского Комитета Объединенных Организаций Графа В. Н. Коковцова о положении Беженского вопроса в учреждениях Лиги Наций в Женеве и о деятельности Российского Эмигрантского Комитета и Русского Комитета Объединенных Организаций.

В настоящем Собрании большинство участников помнит вероятно то, что доложено три года тому назад нашему последнему Собранию. Повторять это хотя бы вкратце едва ли есть надобность, тем более, что все наиболее существенное, чему посвящена деятельность наших эмигрантских организаций за последние три года, только продолжает, развивает и закрепляет то, что было сделано в течение первых пяти лет, с минуты признания Правительством Франции советской власти в 1924 году.

Три года тому назад мы находились в преддверии тех мер Французского Правительства, которые имели исключительное значение для всего нашего положения в эмиграции. Мы должны были говорить о них только предположительно и в самой осторожной форме, дабы не нарушить возможность осуществления их преждевременным оглашениям.

Через шесть недель после нашего Собрания, эти предложения стали фактом и все усилия тех эмигрантских учреждений и отдельных лиц, которые прошли через величайшее затруднение 1925–1926 годов, привели нас к тому, по истине благодетельному положению в сфере ограждения нашего правового положения, которым мы целиком обязаны благожелательному к нам отношению высших представителей правительственной власти Республики со второй половины 1926 и по 1928 гг.

11-го января 1930 года обнародован был декрет Президента Республики¹ и два особо для нас важных акта, сопровождавших этот декрет, известные под именем «аранжемент» и «аккор».

Под действием этих актов мы живем уже три года. Все присутствующие близко знают их. Они успели познать на себе всю их пользу для нас и все непререкаемое их значение для нашей эмигрантской жизни. Излагать Вам их содержание – я не вижу надобности, хотя эти акты имеются у меня под руками, и думаю, что я выражу нашу общую мысль и наше общее пожелание, сказавши, чтобы и далее, до тех пор, пока не прекратится наше вынужденное положение жить в эмиграции, никакие переменчивые течения в политической жизни страны нашего вынужденного пребывания, не ослабили, а тем более не нарушили силы и значения этих актов. Мы должны желать еще того, чтобы все, что останется еще не ясным, недоговоренным

¹ Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978), историк, библиограф, церковный и общественный деятель. С 1924 по 1939 г. возглавлял Национальный студенческий союз во Франции.

и спорным в этих актах, было бы постепенно исправляемо, устраняемо и совершенствуемо. Высказывая такие пожелания, я позволю себе сопроводить их, от имени Русского Комитета, выражением моего убеждения в том, что русские эмигрантские учреждения, которые и впредь будут участвовать в достижении этой цели, исполнять свой долг в будущем, как они исполняли его до настоящего времени и с таким же выдающимся успехом для наших интересов, с каким они трудились до сих пор.

Чтобы оправдать высказанные мною убеждения, я считаю необходимым изложить сначала в самом сжатом очерке то, что сделано было за истекшие три года в учреждениях Лиги Наций в Женеве, участие которых в разрешении наших беженских проблем столь же существенно для нас, как и отношение к этой проблеме правительства и администрации тех стран, в которых осела русская эмиграция.

Затем я отведу место в моем докладе в еще более сжатом объеме деятельности русских эмигрантских учреждений за тот же период времени.

I. Беженский вопрос в учреждениях Лиги Наций в Женеве.

а) Большинству присутствующих известно, что не смотря на то, что проблема русского (и армянского) беженства имеет свою историю сравнительно с давнего времени, – должность Верховного Комиссара при Лиге Наций по беженским делам, в лице известного доктора Нансена, учреждена была как известно еще в 1921 году – вопрос о признании необходимости выработать особый статус правового положения беженства сдвинулся с мертвой точки в 1928 году и при том на первых порах, казалось, в весьма благоприятных условиях.

Вопрос о статусе для беженцев, поднятый в сентябре 1927 года, в Совещательного Комитета частных организаций, получил сразу совершенно положительное направление, принятием его Собранием Лиги Наций 26-го сентября того же года, которое поручило Верховному Комиссару собрать для его решения Междуправительственную Конференцию², которая открылась в июне 1928 года и приняла в основу своих заключений доклад русских экспертов. Она утвердила его 30-го июня 1928 г.

Но встретивши с разных сторон не малое количество возражений, придавала первоначальному заключению экспертов характер более или менее общих положений, обращенных к правительствам в качестве благожелательного совета. Как это часто случается, на характере утвержденных постановлений отразился столько же многолюдный и разнообразный состав Конференции, сколько если даже еще не больше коренное несогласие между собою представителей многих стран в их отношении к беженским и преимущественно русской проблеме. Меня завело бы слишком далеко более точное выяснение Вам этих потребностей. Как бы то ни было, десять стран и при том наиболее заинтересованных в разрешении этой проблемы, присоединились к выработанному 30-го июня пакту, снабдив его, правда, некоторыми оговорками, как впоследствии оказалось, чреватými отрицательными последствиями. Для придания принятому решению реального значения требовалось, чтобы все присоединившиеся к выработанному пакту заключили сообща или каждый в отдельности особую обязательную Конвенцию, но в этом и выразились указанные чреватые последствия. Медленно шло соглашение между отдельными сторонами, не мало времени ушло на бесплодную переписку и только две страны, Франция и Бельгия, заключили Формальную Конвенцию³. Мы первые, как и наши соседи русские эмигранты в Бельгии, воспользовались с начала 1930 года благами этих Конвенций и пользуемся ими сейчас, приобретая те преимущества, которые вытекают из аранжемен и аккорд 11-го января 1930 года.

Прочие страны по разным поводам и основаниям ничего в этом до сих пор не сделали и положение русских эмигрантов в них также печально, неопределенно и неустойчиво, как было наше положение в 1926 году здесь, во Франции до того, как с 1926 года наступило, под влиянием всеми известного благоприятного к нам отношения, в полном смысле просвете в нашем положении, который сменился, в 1930 году, консолидацией, хотя все еще недостаточно твердою, ясною и полною, нашего правового положения. Естественно, что на эту сторону дела должно было быть направлено наиболее настойчивое внимание русских эмигрантских учреждений и их представителей, принимавших деятельное участие в трудах, созданных в Женеве, с того

же 1930 года, беженских учреждений, взамен деятельности Верховного Комиссара по беженским делам ⁴, после кончины в этом году доктора Нансена.

Я полагаю излишним останавливаться на выяснении вопроса о том, какое исключительное по своей важности значение имело бы придание правовому статусу для русских беженцев характера Международных Конвенций, если и не между семи странами, входящими в состав Лиги Наций, то хотя бы между теми из них, в которых сосредоточилась наибольшая часть русских беженцев. Рассчитывать на полный характер, так сказать, всеобъемлющей Международной Конвенции, к сожалению, не приходится. Почему – это ясно и без моих слов.

Скажу только, что значение такого соглашения между многими странами было бы дорого и для нас, не только в силу нашей солидарности с судьбой наших соотечественников, не пользующихся теми преимуществами, которыми пользуемся мы уже более 3-х лет, но и для нас самих. Мы чувствовали бы себя более обеспеченными при международном характере нашего правового статуса, нежели мы должны чувствовать себя теперь и всякие случайности политической неустойчивости представлялись бы для нас менее опасными, нежели при наличии исключительного положения всего в двух странах.

Для того чтобы объяснить Вам, в чем заключались усилия, направленные на придание Конвенции 10-го июня 1928 года ⁵, введенной в действие для нас 11-го января 1930 г., более широкого международного характера и чего они достигли до настоящего времени, я должен сделать небольшое отступление и выяснить, какие организации по заведыванию беженской проблемой образовались в Женеве, после упразднения должности Верховного Комиссара, вызванного кончиною д[окто]ра Нансена.

б) С кончиною д[окто]ра Нансена, возникла опасность полного упразднения центрального органа при Лиге Наций по заведыванию беженскими делами. Отрицательные последствия такой опасности для интересов беженцев были очевидны, и усилия тех, кто видел эту опасность, были направлены на то, чтобы сохранить центральный орган в Женеве, но придать ему: 1) менее личный характер, 2) оценить господствующее течение мысли в наиболее влиятельных элементах Лиги Наций и примирить его с идеей сохранения центральной организации еще на некоторое и даже довольно продолжительное время (10 лет) и 3) обеспечить в новом устройстве ее соответствующее место представителями русских общественных организаций, уже не в порядке какой-то случайной льготы, которую можно даровать, но и отработать, – а в порядке особого статуса. Русские эмигрантские учреждения в Париже приняли самое деятельное участие как в осуществлении идеи сохранения беженского центра в Женеве, так и в выработке его новой организации. Предложенная нашими представителями г[осподами] Гулькевичем и Рубинштейном схема организации нового центра была принята 1-го сентября 1930 года, сначала Межуправительственной Комиссией ⁶, а затем и Лигой Наций.

Она заключается в следующем:

1) Должность Верховного Комиссара при Лиге Наций упраздняется;

2) Лежавшие на нем обязанности распределяются между двумя органами: а) Генеральным Секретарем Лиги Наций, к которому отходит задача политико-юридической защиты беженцев. Ему же принадлежит назначение и направление деятельности его делегатов во Франции и Бельгии, выполняющих обязанности, предусмотренные аккордом 1930 года и б) между вновь образованным Международным Офисом имени Нансена, учрежденным под властью (сул-от-оритэ) Лиги Наций и в порядке статьи 24 ее пакта. К этому Офису переходит вся гуманитарная работа. Офис содержится на средства Лиги Наций, действует под ее контролем и ею же назначается Председателем Офиса.

3) Международный Офис состоит из Председателя, назначенного Лигой Наций, Генерального Секретаря Лиги Наций, трех представителей правительств по выбору Межуправительственной Комиссии, двух представителей по Выбору Совещательного Комитета частных организаций и двух членов, избираемых самим Офисом из представителей Международных Организаций помощи.

4) Пленум Офиса именуется Административным Советом и является высшей его инстанцией.

5) Текущие дела и подготовка работ принадлежит Правлению. Исполнительным органом является Генеральный Секретарь Офиса (г[осподи]н Джонсон), служащие Центрального Органа и представители Офиса во Франции и Бельгии, действующие в качестве его уполномоченных. Такая организация центра была принята 11-й сессией Лиги Наций 30-го сентября 1930 года.

6) Совещательный Комитет частных организаций является, так сказать, представителем интересов беженцев как при Междуправительственной Комиссии, так и при Нансеновском Офисе. В его составе находятся представители 12-ти русских организаций. Нашими представителями в Междуправительственной Комиссии состоят в качестве экспертов г[оспода] Гулькевич, Бар[он] Нольде ⁷ и Рубинштейн. В Административном Совете Нансеновского Офиса от русских беженских организаций состоит К. Н. Гулькевич ⁸ и заместителем – Я. Л. Рубинштейн ⁹.

в) После такого неизбежного отступления представляется возможность выяснить вкратце, в чем заключаются усилия представителей русских беженских организаций по части расширения области применения статуса о нашем правовом положении на другие страны, кроме Франции и Бельгии, и какие результаты достигнуты ими до настоящего времени. Я не имею времени, ни возможности изложить перед Вами весь ход тех величайших усилий, которые начиная с 1930 года и до настоящей минуты были употреблены в этом вопросе русскими представителями в беженских учреждениях. Я не могу также достаточно отметить Вам ту помощь, которую встретили они, а следовательно, и мы все со стороны Председателя Междуправительственной Комиссии, – представителя Франции, – г[осподи]на де Навайя. Усилия всех этих лиц были бы направлены к одной цели – победить сопротивление этих, безучастие других, вывести вопрос о признании принципиальной необходимости расширить применение правового статуса для русских беженцев, в форме особой Конвенции, за пределы Франции и Бельгии. Убедившись в недостижимости заключения общей Международной Конвенции, соединяющей в одно соглашение все страны, принявшие к себе русских беженцев, они направили свои усилия сначала на то, чтобы убедить беженские учреждения в Женеве в невозможности оставаться при существующем положении вещей и в необходимости достигнуть конвенционного соглашения, хотя бы среди части держав, но принявших к себе главную массу русских эмигрантов, а затем, достигнув первой задачи, они приняли на себя труд выработать и проект, главным образом, оснований для заключения тайной Конвенции.

Первая задача выполнена.

Помощью проявленной ими настойчивости, путем целого ряда меморандумов, поданных на протяжении трех лет, 1929–1932 гг. и в особенности путем подробной анкеты, задача которой была показать безотрадную картину современного положения эмигрантов с точки зрения их правового статуса в большинстве стран, – русские представители достигли того, что в октябре 1932 года, на 13-й сессии Лиги Наций в доклад Лорда Роберта Сесилия, от имени 6-й (политической) Комиссии последовало авторитетное указание, что Комиссия «была счастлива узнать, что Офис занят подготовкой Конвенции и имеет в виду вместе с Междуправительственной Комиссией ознакомить ближайшую сессию Лиги с общими ее чертами». Этим заявлением признание необходимости заключения Конвенции было таким образом как бы закреплено и на этот раз не остается уже одним добрым пожеланием, которое могло бы просто затеряться среди бесчисленных меморий, резолюций и даже простых ни кем не ратифицированных соглашений, количество которых столь велико в архивах Лиги Наций.

10-го октября 1932 года Правление Офиса возложило обработку собранного материала и составление мемуара для обоих учреждений – Офиса и Междуправительственной Комиссии на экспертов – юристов г[оспод] Рубинштейна и Бар[она] Нольде, под руководством г[осподи]на де Навайя. Это решение утверждено Советом Офиса 28-го октября 1932 г. Работа экспертов закончилась в декабре 1932 г., мемуар отпечатан и разослан 24-го января 1933 г. членам Междуправительственной Комиссии.

Насколько мы имеем данные судить о судьбе этого важного для всей русской эмиграции вопроса, – современная обстановка представляется по-видимому благоприятной: Междуправительственная Комиссия принимает заключение экспертов и инициаторов названного вопроса и, что еще более существенно, – представители стран, участвовавшие в Комиссии (их было

девять), высказались также в благоприятном смысле, и теперь остается недолго ждать, чтобы узнать, какая судьба постигнет на этот раз этот существеннейший из всех вопросов нашей беженской жизни.

Будем терпеливо ждать этого решения, а пока скажем только слово нашей величайшей благодарности всем тем, кто не пожалел ни времени, ни энергии на разрешение этой насущной задачи.

г) Последний вопрос, которого я должен коснуться кратко в разделе предметов, близких нашим интересам, затронутых и разрешенных беженскими учреждениями в Женеве, – относится до всех понятного и болезненного вопроса о ВЫСЫЛКАХ.

Говорить о нем по существу не приходится. Он ясен всем нам до очевидности. Он не сходит с очереди при самых разнообразных суждениях в Женеве с 1927 года. Но все вынесенные до самого последнего времени резолюции и положения остались мертвой буквой.

Повторявшиеся на каждой сессии Междуправительственной Комиссии заявления русских представителей о недопустимости высылки, практиковавшейся однако иногда в самой неприкрашенной форме, – даже с высылкою эмигрантов непосредственно в советскую Россию, либо оставались без внимания, либо встречались как жалобы на притеснения, чинимые в отдельных странах, и вызывали одно неудовольствие. Только в 1932 году этот вопрос получил принципиальную постановку на XIII-й сессии Собрания Лиги Наций, которая приняла, также по докладу лорда Роберта Сесилия, решительную резолюцию и обратилась к правительствам с «настойчивой просьбою не высылать ни одного беженца, который не имеет разрешения соседней страны на въезд». – И в этом вопросе мы видим руку наших представителей и должны по справедливости отметить их заслуги. Будем надеяться, что вынесенная резолюция сдвинет и этот вопрос с мертвой точки и послужит основанием к международному соглашению, или, по крайней мере, к установлению благоприятной для беженцев, однообразной практики в отдельных странах.

II. Деятельность Эмигрантского Комитета в Париже.

Я с намерением поставил во главе моего доклада обзор деятельности Эмигрантских учреждений в Женеве, чтобы иметь возможность значительно сократить весь мой последующий доклад, относящийся к деятельности как Эмигрантского Комитета, так и Русского Комитета объединенных организаций. В самом деле, после того, что Вы знаете теперь о деятельности Женевских учреждений, мне нет надобности останавливаться долго на том, что сделано Эмигрантским Комитетом в той области, которая разрешалась по беженскому вопросу в Женеве. Чего бы не касалась эта область, чего бы они не достигали в этой области, все было сделано при самом близком и деятельном участии представителей Эмигрантского Комитета, которые принимали в минувшем 3-х летии, как и раньше, начиная с 1927 года непосредственное участие в трудах беженских учреждений в Женеве. В лице ли К. Н. Гулькевича, как представителя Совещания быв[ших] Российских Послов в Париже, в лице ли Председателя Эмигрантского Комитета В. А. Маклакова, в лице ли Председателя Центральной Юридической Комиссии¹⁰ и вместе с тем члена Эмигрантского Комитета Я. Л. Рубинштейна, – наши представители во все существенные моменты протекавшего времени сыграли самую крупную роль в достижении всех тех результатов, о которых была речь впереди. В одних случаях они были непосредственными инициаторами, в других – им приходилось принимать на себя нелегкую задачу исправлять невыгодное для эмигрантов настроение в некоторых кругах Лиги Наций и своим осторожным вмешательством обезвреживать и справлять то, что требовало исправления, в третьих – как было уже мною изложено, принимать на себя весь труд по исполнению предварительной работы, разъяснять многочисленными меморандумами необходимую для нас точку зрения и принимать на себя и саму обработку многих деликатных вопросов.

Если же при этом мы дадим себе отчет в той особой атмосфере, которая отличает вообще все окружение учреждений Лиги Наций и примем еще в наше внимание, что для этого «высокого» Собрания беженский вопрос представляется одним из мелких вопросов, даже мало кого интересующих, часто докучливо занимающих время и отнимающих его от крупных, важнейших проблем и вовсе не давших повода ни для громких речей, ни для привлечения к этому вопросу мирового внимания и почти вовсе не интересующих мировую прессу, – то Вы пой-

мете, насколько трудна и неблагодарна эта работа и насколько вся русская эмиграция должна быть признательна тем, кто несет этот труд, кто дал нам осязательные результаты и обеспечил еще большее достижение в будущем.

Прибавлю, наконец, и то, что для несения этого тяжелого труда приходится затрачивать много времени и личных средств, отвлекаясь от своего обычного труда, обладать хорошими и разносторонними знаниями и тем, что, пожалуй, еще труднее, т. е. весьма и весьма часто проявлять нелегкое свойство – соединять «голубиную кротость с змеиной мудростью», то мне хотелось бы надеяться на то, что Вы разделите мое заключение о том, что русская эмиграция, вероятно, оценит то, что на ее долю выпала большая удача – найти в поименованных мною лицах защитников своих интересов.

Таким образом, в рассмотренной мною области деятельность Эмигрантского Комитета слилась всецело с деятельностью Женевских учреждений, занятых беженским вопросом. Вы не потребуете от меня – я надеюсь – изложения перед Вами каких-либо частных этой работы; мой доклад и без них отнимает у Вас уже слишком много времени.

Затем, вне этой, так сказать, принципиальной работы по защите русского беженства в Женеве, для улучшения его положения, в более широком масштабе за пределами того, что создано уже во Франции и Бельгии, Эмигрантский Комитет выполняет в течение 3-х летия менее занимательную, повседневную, но непосредственно затрагивающую наши интересы – работу, по таким вопросам, которые я перечислю только вкратце.

1) На первом месте следует поставить задачу по осуществлению аккора 11-го января 1930 года. Она началась тотчас по его обнародовании, продолжается без перерыва и будет продолжаться еще долго, потому, что аккор только наметил многое, не дав многому прямого разрешения и обуславливает длительную, осторожную работу, мало заметную для постороннего взгляда, но весьма ощутительную для тех, кто заинтересован лично в отдельных ее проявлениях. Во всяком случае, под руководством Председателя Эмигрантского Комитета, работа Русского Офиса и его представителей развивалась и углублялась с целью дать исход для тех, кто прибегал к их услугам.

Наладились и приняли спокойное взаимное понимание и условия работы нашего Русского Офиса с представителем Генерального Секретаря Лиги Наций для Франции, г[осподина] Пана, который, как Вы знаете, введен в круг наших беженских дел, в той части, в которой он нам необходим для выдачи нам документов, имеющих характер документов легального консульского характера. Вы знаете также, что это сделано с полной гарантией самостоятельности русского Офиса. Подготовлено, наконец, и совещательное присутствие при этом Представителе от беженцев, проживающих во Франции, на тот случай, если бы в нем представилась надобность в близком будущем.

2) На следующем месте следует поставить едва ли не самую трудную задачу Эмигрантского Комитета и в особенности его Председателя, по части допущения русских эмигрантов на работу, в связи с теми ограничениями, которые созданы законом 16-го июля 1932 г., в связи с экономическим кризисом и безработицей. Распространяться об этом я не вижу надобности. Все присутствующие близко знают создавшееся положение, как знают заинтересованные в его облегчении – кто в этом не заинтересован. – Сколько труда положено и кладется на это каждый день Председателем Комитета. Количество меморандумов, поданных им, не перечислить. Количество личных домогательств еще больше. И если у кого есть основание сказать, что всего этого недостаточно и от принятых мер далеко не все получили удовлетворение, – то нужно не забывать, что полномочия наших представителей – далеко не велики. Они имеют право сказать по справедливости: *«feci quod potui, facient meliora – potentes»*. Я сделал, что мог, – пусть сделает лучше кто может.

Не забывайте и то, что в самом существе «аккора» по этому вопросу есть большой недостаток. Он не содержит в себе какой-либо определенной нормы, а лишь одни, академического характера, пожелания, и Министерство Труда не считает его для себя обязательным, так как его подписи на аккор – нет. Следовательно, остается только просить, добиваться, аргументировать всем известным аргументом, что для русского беженца право на труд есть право на жизнь и все это делается, но в ответ приходится чаще всего слышать, что французы также бедствуют

без работы. Ходатайства и убеждения множатся, но разумеется, что успех далеко не всегда сопровождает их, – и осуждать недостаточность результатов, достигнутых нашими органами, – мы, по справедливости не имеем права.

3) На третьем месте нужно поставить вопрос о высылках. В первое время он составлял предмет частных вмешательств, но затем, постепенно, под влиянием изложенных мною в первом отделе обстоятельств, он утратил свою остроту, хотя еще не сошел вовсе со счетов забот и участия Эмигрантского Комитета.

4) В заключение я упомяну еще о вопросе, одно время глубоко затрагивавшем интересы эмиграции. Я разумею – вопрос о дополнительном паспортном сборе. Немало было положено труда, сначала на отсрочку, а затем на облегчение этого сбора и на предоставление заведывания им самой эмиграции. Достигнуто было даже предварительное соглашение Лиги Наций на то, чтобы 40 % сбора, поступающего по Франции, шло на нужды самой эмиграции во Франции. Намечен был даже особый состав небольшого Распределительного комитета, который должен был привлечь к себе доверие объективностью своих действий, но все это пока осталось без практического осуществления. Сбор еще не введен и будет ли он введен, когда именно, и на каких основаниях, мы не имеем еще определенных сведений.

В заключение я должен повторить и сегодня то, что я имел случай удостоверить три года тому назад. Эмигрантский комитет сложился почти девять лет тому назад (в 1924 г.) при не обычных и совершенно исключительных условиях; – в него вошли люди различного между собой политического мышления, вероятно в глубине своей души склонны к критическому отношению к людям противоположного мышления, и тем не менее они впряглись в работу при весьма трудном внутреннем статусе, основанном на единогласии в решении всех вопросов. Отсутствие единогласия обрекает самый рассмотренный вопрос на небытие. Тем не менее прошло девять лет и принцип польской старой конституции «непозволям» как-то не привился и работа шла своим чередом и дала большие результаты. Проникнутые сознанием, что эмиграция ждет помощи от Комитета и без нее обойтись не может, члены Комитета привыкли друг к другу, втянулись в общую работу и она дала то, что могла дать в тех трудных сложных условиях, в которых ей пришлось протекать. Дай Бог чтобы так и было дальше.

Вот сегодня, Вы выберете новый состав Русского Комитета, и он, собравшись в одном из первых своих заседаний, выберет из своей среды шесть членов в Эмиграционный Комитет. Точно так же поступит через несколько дней после нас Совет Общественных Организаций. Нужно пожелать, чтобы новый состав Эмигрантского Комитета пошел по дороге старого и с таким же успехом выполнил свою необходимую для эмиграции работу, несмотря на все теснины, которые представляют собой принцип единогласия.

III. Деятельность Русского Комитета Объединенных Организаций.

Говорить о ней подробно мне не приходится; сегодня Комитет заканчивает свои полномочия и на его смену придет новый состав, который Вы изберете.

Я хочу сказать только очень немного и то для того, чтобы представить Вам общий характер той работы, которую Комитет выполнял в течение трех лет с 1-го декабря 1929 года. Его деятельность естественным образом должна была протекать в строгом соответствии с тем направлением нашего беженского вопроса, которое было усвоено за минувшее время как нашими эмигрантскими учреждениями в Женеве, так и в особенности нашим Русским Эмигрантским Комитетом в Париже. С первыми Русский Комитет не имел, по самому своему их устройству непосредственного контакта. С последним он имел общение по преимуществу через своих представителей. На последних естественным образом лежал главный труд. Русский Комитет поддерживал с ними самые тесные общения. Через из посредство Комитет был осведомлен о всем ходе работы по направлению дел, входящих область нашего правового статуса, каждый раз, когда из среды Комитета возникла необходимость в заявлении того или другого мнения, возбуждение того или другого вопроса, попытки направить работу Женевских учреждений в иное, более выгодное для нас, русло, или чаще всего, когда представители Русского комитета в Эмигрантском Комитете встречали сами необходимость осветить мнением нашего Комитета существенные вопросы, подлежащие рассмотрению Эмигрантского Комитета. Так было поступлено, между прочим, при обсуждении вопроса об Организации Особого Совещания

из представителей русской эмиграции в Париже при делегате здесь Генерального Секретаря Лиги Наций. Но и в целом ряде других случаев, Русский Комитет был привлекаем Председателем Эмигрантского Комитета высказаться по вопросам, особенно близко затрагивавшим интересы эмиграции. Из числа этих вопросов заслуживает особого внимания вопрос о смягчении ограничительных мер, установленных законом 16-го июля 1932 года, в связи с необходимостью покровительственного отношения к национальному труду и ограничению труда иностранных рабочих. Русский Комитет отдал этому вопросу особое внимание и заключение его, совпавшее в существе со взглядом Председателя Эмиграционного Комитета, высказывавшего совершенно одинаковую точку зрения, как и Русский Комитет, было принято во внимание при изложении им особого представления Министра Труда. Вам известно уже содержание этого представления. Трудящаяся часть русской эмиграции хорошо осведомлена поэтому о том, какие усилия применялись к обеспечению права на существование за нашими рабочими, и если они не всегда достигали желательного для нас успеха, то это отнюдь не происходило от недостатка настояний с нашей стороны. Во всяком случае, Русский Комитет имеет полное право сказать сегодня, заканчивая исполнение своих обязанностей, которые большинство его состава несло, в сущности, с очень малым изменением почти девять лет (с 1924 года), — что ни сам Комитет, ни, тем более, что представители в Эмигрантском Комитете не внесли никакого разноречия в работу последнего, не осложнили ни в чем нелегкой обстановки, в которой протекала работа в Эмигрантском Комитете в истекшее трехлетие.

Остается выразить пожелание, чтобы и те представители Русского Комитета, которые придут на смену прежним, из состава нового Комитета, были вооружены теми же стремлениями, как и их предшественники. Задача охранять единогласие не легкая задача, но она представляется во всяком случае благодарной задачей, так как на ней строится вся положительная работа на пользу эмиграции.

Мне остается еще упомянуть, что помимо прямой работы, быть исполнительным органом, объединяющим всю сгруппировавшуюся около него части эмиграции, Русскому Комитету пришлось затрагивать не мало времени и труда на разрешение и направление вопроса, собственно говоря, не входящего в состав его прямых задач, но от которого Комитет не считал себя вправе уклониться ссылкой на один формальный признак — некомпетентность Русского Комитета в разрешении этого вопроса. Он предпочел обсудить дошедший до него вопрос, выяснив свою точку зрения тем русским беженским организациям вне пределов Франции, которые направили свои мысли к Председателю Комитета. Последний не считал себя вправе дать возбужденному вопросу своего личного направления, хотя обращение было сделано непосредственно к нему, дабы устранить с самого начала всякий параллелизм с существующими уже эмигрантскими организациями, собственно во Франции. Я разумею возникшую еще в 1926 году по почину Профессора Лейстеровского Медицинского Института в Лондоне В. Г. Коренчевского ¹¹, идею так называемого «Всеэмигрантского Объединения», по исключительно деловому признаку, вне всяких различий в оттенках политического характера. Задуманный в весьма широком масштабе, соединить в одном центре в Париже, и при том в очень широкой постановке, всю русскую эмиграцию, где бы она не пребывала, эта идея была, конечно, весьма заманчива и сулила широкие перспективы, если бы она была практически осуществлена. Но вникнуть в эту последнюю сторону, Русский Комитет в целом ряде своих собраний, в которых участвовал, время от времени, и автор задуманного объединения, не считал возможным принять эту задачу своему непосредственному осуществлению, по целому ряду соображений, которые понятны собранию и без моих подробных объяснений. Его основною мыслью было то, что всякому «объединению» должна предшествовать твердая общественная организация эмиграции в каждой стране, признание ее правительством каждой страны и издание статуса правового положения на подобие хотя бы того, каким пользуемся мы и русская эмиграция в Бельгии. Усилия эмигрантских организаций в Женеве, о чем мною уже приведены необходимые данные в своем месте, по-видимому, сулят некоторые перспективы в будущем. До этого же момента, не выходя из сферы своей прямой деятельности, Русский Комитет предложил обратившимся к его Председателю организациям вне Франции самую широкую свою информационную помощь, с тем, чтобы содействовать там, где есть надежда на благоприятное отношение правительства к дарованию

правового статуса, – избранию наиболее практических путей, к достижению этой цели. Тем временем, где идея так называемого «Делового Объединения» на самом деле не заглохла. В Париже образовалась особая инициативная группа, избравшая своим Генеральным Секретарем Е. П. Ковалевского¹², которая, двигая далее возникшую идею, вошла в контакт с целым рядом лиц, проживающих в Париже и получивших представительство от отдельных организаций вне Франции, и ведет деятельные сношения с этими организациями в направлении сохранения связей между ними до наступления лучших времен, – когда эта инициативная группа увидит, что пора более реальной и практической организации созрела и обеспечивает возможность организационной работы.

Закончу мой доклад доведением до Вашего сведения, что все предыдущее время Русский Комитет неизменно пользовался услугами газеты «Возрождение» для всякого рода сообщений о своей деятельности и никогда не встречал не только отказа с ее стороны, но и каких-либо затруднений в опубликовании наших сведений.

Я полагаю, что я выражу Ваше общее мнение, также как и исполню долг простой справедливости, если выскажу признательность Собрания Редакции газеты «Возрождение» в лице присутствующего здесь Ю. Ф. Семенова.

ГАРФ. Ф. 6067. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–15. Стенограмма, машинопись.

Примечания

¹ Речь идет о ратификации французским правительством 11 января 1930 г. «Постановления о правовом положении русских и армянских беженцев», которое было принято на межправительственной конференции под эгидой Лиги Наций 28–30 июня 1928 г. Там же были подписаны межправительственное соглашение (Arrangement) о юридическом статусе русских и армянских беженцев и особое соглашение (Accord) между Францией и Бельгией.

² См. предыдущую сноску.

³ Имеется в виду соглашение (Accord) между Францией и Бельгией, заключенное в июне 1928 г.

⁴ Должность Верховного комиссара по беженским делам была учреждена Лигой Наций 27 июня 1921 г. На эту должность был назначен норвежец *Ф. Нансен*.

⁵ В тексте стенограммы доклада опечатка, касающаяся даты заключения Конвенции.

⁶ Для урегулирования юридических вопросов, касающихся трудоустройства российских беженцев, в 1927 г. начала работу межправительственная совещательная комиссия по делам беженцев при Верховном комиссариате.

⁷ *Нольде Борис Эммануилович* (1876–1948), юрист, историк и теоретик права, дипломат, политический и общественный деятель.

⁸ *Гулькевич Константин Николаевич* (1865–1935), русский дипломат.

⁹ *Рубинштейн Яков Львович* (1879–1963), юрист, адвокат, общественный и политический деятель.

¹⁰ В 1927 г. комиссия занималась изучением правового положения беженцев, для чего был проведен анкетный опрос.

¹¹ *Коренчевский Владимир Георгиевич* (1880–1959), фармаколог, патофизиолог, геронтолог, бактериолог.

¹² *Ковалевский Евграф Петрович* (1866–1941), церковный и общественный деятель, юрист.

L. V. Klimovich

*Ulyanovsk State University
Leo Tolstoy Str., 42, Ulyanovsk, 432970, Russian Federation*

lusek84@yandex.ru

COUNT V. N. KOKOVTSOV ON THE PROBLEMS OF SOCIAL AND LEGAL STATUS OF RUSSIAN EMIGRANTS (TO THE HISTORY OF ONE SPEECH)

The publication presents a transcript of the speech of count V. N. Kokovtsov at a general meeting of representatives of public organizations and emigrant associations, which took place on March 5, 1933 in Paris. The document contains information on activities of the Emigrant Committee in Paris, on the work of the Russian Committee of united organizations, on solution of the refugee issue in the institutions of the League of Nations.

The Emigrant Committee was founded in 1924 in Paris, after the USSR was recognized diplomatically by France. It was headed by a former ambassador to France, V. A. Maklakov (1869–1957). The Emigrant Committee was assembled from among the «right wing» represented by the Russian Committee of united organizations (RCUO) and the «left wing» represented by the Council of public organizations (CPO). The Emigrant Committee could consistently solve challenging issues and protect the rights of refugees. The Russian Committee of the united organizations served as a center of gravity of «right-wing forces». Count V. N. Kokovtsov was its leader and ideological inspirer since its founding in 1924.

The document reflects the intermediate results of activities dealing with the problems of Russian immigrants and the institutionalization of their legal status. The speech material covers a wide time period, starting from the 1920s, and allows us to trace the development of the immigrant communities in Europe and particularly in France. The use of the Intergovernmental Agreement (Arrangement), signed in June, 1918, concerning the legal status of Russian and Armenian refugees, is extensively explored in the speech. V. N. Kokovtsov noted the contribution of the emigration representatives, such as lawyers Gulkevich and Rubinstein, to the work of the intergovernmental commission concerning affairs of Russian refugees.

The document conforms to the original, which is stored in the State Archive of the Russian Federation. The text is published strict as to original spelling and punctuation.

Keywords: emigration, the history of Russia, Russia Abroad, V. N. Kokovtsov, Emigrant Committee, V. A. Maklakov.

References

Guseff K. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial'naya istoriya (1920–1939 gody)* [*Russian Emigration in France: Social History (1920–1939)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p. (in Russ.)

Kovalev M. V. Graf Vladimir Nikolaevich Kokovtsov v emigratsii (po novym arkhivnym materialam) [Count Vladimir Nikolaevich Kokovtsov in exile (on new archival materials)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, iss. 8, p. 151–169. (in Russ.)

Russkie bezhentsy: problemy rasseleniya, vozvrashheniya na Rodinu, regulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-e gody): Sbornik dokumentov i materialov [*Russian Refugees: Resettlement Problems, Homecoming, Regulation of the Legal Status (1920–1930s): Collection of Documents and Materials*]. Z. S. Bocharova (ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 400 p. (in Russ.)